

Оттиск статьи
из сборника

"Русские миссионеры
в XVII в."

М. 1961

Колесников П. А.
Восстания в Тотеме
и Тотемском уезде
в XVII в.

ВОССТАНИЯ В ТОТЬМЕ И ТОТЕМСКОМ УЕЗДЕ
В XVII В.

Гамма Михайлова
в два убавления
от автора
Колесников
2.11.64

Для исследования проблемы первоначального накопления, особенно экспроприации непосредственных производителей, для исследования в целом генезиса капитализма чрезвычайно важное значение имеет изучение классовой борьбы. Большую ценность представляют материалы о ее развитии в поморских городах и уездах в XVII в. — в крае тяглого посада и черносошного крестьянства. Русское Поморье являлось одним из районов, где процессы имущественного и социального расслоения весьма заметны. Эти явления протекали в условиях обострения классовых и внутриклассовых противоречий.

О классовой борьбе в таких крупных городах Восточного Поморья, как Устюг Великий и Соль Вычегодская и их уездах хорошо известно¹. Менее изучены движения на соседнем Тотемском посаде, также являвшемся крупным пунктом на торговом пути из Центра в Сибирь и Архангельск. П. П. Смирнов в своем фундаментальном труде о посадских людях впервые осветил восстание в Тотьме 1646—1648 гг.² Имеющиеся в Центральном государственном архиве древних актов материалы позволяют воссоздать значительно полнее картину классовой борьбы не только на Тотемском посаде, но и в уезде на протяжении всего XVII в.

Город Тотьма возник и вырос у солеваренных промыслов, в которые вкладывали свои капиталы такие крупные торго-

¹ К. В. Базилович. Мятёж в Великом Устюге. — «Ученые записки Института истории РАН ИОН», т. V, М., 1928, стр. 271—296; «Городские восстания в Московском государстве XVII в.», сб. документов, сост. К. В. Базилович, М. — Л., 1936; А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. М., 1960. стр. 324—374, 494—502, 603—617.

² П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М. — Л., 1948, стр. 62—66.

ные люди, как гости Бахтеяр Булгаков, Усовы-Грудцыны, Федотовы-Гусельниковы. Население не только посада, но и окружающих волостей было преимущественно занято обслуживанием варниц и речного транспорта на Сухоно-Двинском водном пути. К концу XVII в. посадские люди теряют промыслы и угодья, которые переходят в руки крупных торгово-промышленных людей и монастырей. Удельный вес посадской бедноты в 1688 г. составлял 95,2% к общему числу мужского населения. Разорение народных масс Поморья, в том числе и в Тотьме, вызывалось также налоговой политикой феодального государства. В целом социально-экономические отношения на посаде характеризовались резким все усиливавшимся к концу века имущественным неравенством и начавшимся классовым расслоением. Многие посадские люди пополняли число тех, чьим единственным источником существования становилась работа по найму. Так, в 1688 г. из 257 дворовладельцев Тотьмы работой по найму было занято 74,3%, в том числе в солеварении — 39,3%, на обслуживании водного транспорта — 16,4%³.

Социально-экономические процессы на Тотемском посаде и в уезде развивались в обстановке ожесточенной классовой борьбы, в первую очередь против усиления фискального гнета.

Данная работа посвящена главным образом антифеодальным выступлениям посадского и волостных миров, во время которых часто наблюдались их совместные действия, при ведущей роли посадских работных людей. Если до выхода в свет работы П. П. Смирнова Тотьма совершенно не упоминалась в числе тех мест Русского государства XVII в., где были антифеодальные восстания, если указанный автор упоминает об одном восстании, то сейчас можно говорить о Тотьме, как о городе, где на протяжении столетия было не менее трех волнений. Эти выступления в 1639, 1646—1648 и в 1700 гг. можно определенно характеризовать как восстания.

Эти волнения были направлены против фискальной политики государства и против представителей зарождавшейся буржуазии. В первой половине XVII в. борьба идет против приписанных в гостиную сотню посадских людей, вся вторая половина века заполнена борьбой против иногородних торгово-промышленных людей — Грудцыных, Булгаковых, Палицына и др. Неоднократно дело доходило не только до судебных тяжб, но и до избиения и даже убийства посадскими тяглецами представителей торгово-промышленной верхушки. Внутри тяглых общин с неменьшей остротой шла борьба вокруг раскладки

³ П. А. Колесников. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. — «История СССР», 1958, № 2, стр. 131-143.

тягла, распределения различных государственных и земских служб и по другим вопросам⁴.

В ходе этих общесословных антифеодалных выступлений единство тяглых миров рушилось, внутри них одновременно разгоралась борьба между низами и «лучшими» людьми, между посадской и уездной общинами.

* * *

Классовая борьба в Тотмье, как это было в Поморье и во всей стране, принимала различные формы, по тенденции к открытым выступлениям все более четко проявляется с середины XVII в.

Посадские люди и крестьяне уезда прибегали в первую очередь к легальным формам борьбы — к подаче челобитных с просьбами об уменьшении податей и тяжести различных служб, с жалобами на произвол воевод и приказной администрации. Иногда им удавалось добиться смещения наиболее лихоимствующего воеводы, особенно в тех случаях, когда посадский мир доказывал, что воеводские злоупотребления приводили к массовым побегам населения и поэтому нарушали интересы казны⁵.

Следующей и наиболее распространенной формой борьбы было бегство посадских людей и крестьян, оставление тягла. Так, в период с 1619 по 1625 г. ушло с посада 23% общего числа дворовладельцев, в период с 1625 по 1664 г. — 51%. Особенно массовым было бегство после описания посада и уезда в 1676—1679 гг. и после введения с 1679 г. подворного обложения. Количество мужского посадского населения менее чем за 9 лет после 1679 г. уменьшилось на 43,5%. В уезде запустели целые волости. В целом по уезду в период между 1679 и 1688 гг. количество всего мужского населения уменьшилось на 3124 чел. или на 36%, а количество пустующих дворов и дворовых мест увеличилось более чем на 600 единиц⁶.

Но борьба тотмичей не ограничивалась этим. Она приняла форму и открытых восстаний.

Первое восстание было в 1639 г. В этом году был повышен оклад стрельцких денег с 90 до 168 руб. с сохи, а недоимка лишь по этому налогу уже составляла 733 руб. 29 алт. Из Москвы пришло распоряжение немедленно взыскать не только очередные платежи, но и всю задолженность. Посланные по волостям

⁴ Об этом сохранились сотни дел в ряде фондов ЦГАДА, особенно интересны дела в фонде ПДСЛ: 1639 г., д. 45; 1650 г., д. 30; 1652 г., д. 18; 1654 г., д. 12; 1660 г., д. 147; 1667 г., д. 293; 1681 г., д. 130; 1684 г., д. 196; 1685 г., д. 146; 1687 г., д. 231; 1694 г., д. 71 и др.

⁵ ПДСЛ, 1667 г., д. 293, лл. 19—30.

⁶ Писц. и переп. кн., № 482, л. 1038 и сл.; № 891, л. 919 и сл.

пристава натолкнулись на открытое сопротивление. В Березовой слободке несколько ранее был убит крестьянином Давыдом Сердюковым пристав Дружина Кусков, присланный для сбора платежей, а теперь начали угрожать приставам и в других волостях. Крестьянин Кулуйской волости Юрий Семезов Зыков при этом самого царя «непригожими словами... бранил... матерно...»⁷. Начались волнения и на посаде, где в первую очередь гнев тяглых людей обрушился на солевара и корыстолюбивого таможенного голову Никиту Мясникова, который был убит. А когда воевода Алексей Большов затребовал посадских людей и крестьян на правеж за неуплату налогов, то началось всеобщее выступление посадских и уездных тяглецов.

О событиях летом и осенью 1639 г. можно судить по отпискам в Москву воеводы А. Большова и сменившего его воеводы Ивана Малыгина⁸. Их особенно тревожило повсеместное дружное выступление тяглых миров. Крестьяне не являлись на правеж, отовсюду изгоняли рассыльщиков и приставов. В растерянности воевода запрашивал Устюжскую четь, что ему делать, так как везде «непослушанье стало великое». Правительство предписало воеводе взять из каждой волости по три-четыре заложника, доправить недоимку, а за послушанье бить батогами и посадить в тюрьму. Но и вторично пристава из волостей были изгнаны. Упорно отказывались внести платежи и посадские люди. Еще раз и с еще большей тревогой сообщил об этом воевода и вновь получил указание применить силу. Снова были посланы подьячие, пристава и рассыльщики, которым удалось привести на съезжий двор несколько представителей от волостей. Но при прямой поддержке посадских людей большинство представителей разбежалось, а затем во главе с крестьянином Стрелецкой волости Федором Агафоновым они вернулись на съезжий двор, избili охрану, освободили остальных, кто находился на правеже. В этот же день бывшие в юроте волостные и многие посадские люди во главе с всеуездным земским старостой Естифием Самойловым явились с «шумом» на воеводский двор. Здесь они заявили, что платить стрелецкие деньги не будут, и начали всячески ругать воеводу Большова. Было составлено челобитье царю с просьбой сместить воеводу, и отправлены посыльщики в Москву. В течение полугода воевода был бессилен что-либо сделать. На все его требования и угрозы посадские люди отвечали, что они от своих посыльщиков получают из Москвы письма, в которых сообщается о скором приезде нового воеводы, а потому от платежей считают нужным воздержаться.

⁷ ПДСЛ, 1638 г., д. 10, лл. 260—261, 387—395.

⁸ ПДСЛ, 1643 г., д. 79, л. 4; 1639 г., д. 45, лл. 48—90, 338 390, 535—546.

В своих отписках воевода Большов сообщал, что жизни его угрожает опасность. Он объяснял свое спасение только тем, что, когда ворвались «бунтовщики», в это время у него были взяты в гостиную сотню посадские люди Харламовы, да приезжий сын богорский Карп Фролов и другие.

Правительство, недовольное действиями воеводы Большова, сменило его. У посадских людей и крестьян создалось впечатление, что это сделано по их челобитью. Наступило временное затишье. Но вскоре приехал новый воевода Иван Малыгин, который с суровым пристрастием начал следствие. В Москве послыщиков забрали в приказ и начали допрос, а в Тотьму пошло предписание — деньги «править нещадно», за ослушание бить батогами и сажать в тюрьму, а «зачинщика бунта» Федора Агафонова «бить батоги нещадно перед съезжею избою».

* * *

Новый воевода И. Малыгин не только начал собирать старые недоимки, но записал в оклад жилыми все дворы, которые ранее числились пустующими. Это сразу повысило сумму платежей с уезда на 415 руб. 31 алт. 2½ д. По посадку положение еще более осложнилось в связи с тем, что было предписано взимать полностью и за те годы, когда в связи с запустением оклад был уменьшен на ⅓ сошки. В сентябре 1645 г. тотемский воевода Логин Апичков получил список с книг И. Малыгина и предписание не только собирать все налоги по этим книгам, но и взыскать как недоимку несобранные деньги за 12 лет (4072 руб. 15 алт.), а также стрелецкие деньги по 830 руб. 16 алт. 1 д. в год. Кроме этого, были еще основания общего характера для обострения борьбы, особенно в конце 1647 г. С 7 февраля 1646 г. была введена повышенная пошлина на соль, и правительство в расчете на большие доходы от нее отменило сбор стрелецких денег. Но надежды не оправдались, и эту пошлину правительство вынуждено было отменить с 10 декабря 1647 г., причем это мероприятие сопровождалось восстановлением стрелецких денег с взысканием их за 1646 и 1647 гг. Было дано распоряжение собрать в 1648 г. стрелецкие деньги в тройном размере. Это явилось одной из ближайших причин посадских восстаний 1648—1650 гг.⁹, в том числе и в Тотьме.

Конечно, немалое значение в развитии восстания народных масс в Тотьме и Тотемском уезде в 1646—1648 гг. имели и специфические местные особенности социальной жизни. Именно этот период был временем процветания посадских солеваров Харламовых, Брагиных, Выдриных и др. Захват солеваренных

⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», М., 1955. стр. 425—426.

промыслов и земельных угодий на посаде и в уезде, торговля и ростовщичество и сопутствующее им разорение отдельных членов посадской общины вызвали ненависть к этим богатым как на посаде, так и в уезде. К этому времени уже значительно изменилось и социальное лицо посадского населения. Если в 1625 г. было только 16 бобыльских дворов, то в 1646 г. их уже насчитывалось 137 да 10 дворов нищих; с другой стороны, из числа посадских людей было взято в гостиную сотню 8 человек. В конце 40-х годов отмечается оживленное движение работных людей через Тотьму для обслуживания речного и гужевого транспорта и солеваренных, кузнечных и других промыслов. Так, в 1648/49 г. в таможенных книгах Тотьмы было зарегистрировано за год различных категорий работных людей только на обслуживании транспорта более 11 тыс. человек. Иногда в летнее время в Тотьме скапливалось до 500—700 чел. одних только судовых ярыжных из разных городов и уездов страны. Они были всегда готовы поддержать выступления тотмичей.

П. П. Смирнов, кратко излагая ход восстания в Тотьме в 1646—1648 гг., пользовался рукописями С. Б. Веселовского, приготовленными к печати для II тома «Актów писцового дела». Найденные новые материалы дают возможность более подробно осветить ход восстания¹⁰.

В конце 1645 г. воевода Л. Аничков разослал рассыльщиков и приставов по волостям для сбора налогов по книгам И. Малыгина. Сотни людей вызывались на правож. Началось бегство с посада и из деревень. Оставшиеся должны были платить и за тех, кто бежал. Первым в 1646 г. поднялся на борьбу посад, а «смотря на посадских людей, и волостные люди стали чинить непослушанье...»

Но особенно дружно выступили крестьяне Вожбальской волости. В мае 1646 г. они «от рассыльщиков отбились и править денег на себе не дали». Крестьяне устроили по дорогам «засеки и сторожи» и к себе никого не стали пропускать. По примеру вожбальцев и в других волостях стали расправляться с приставами и устанавливать сторожевые посты на дорогах. В ряде мест стычки с представителями воеводы заканчивались не только избиванием рассыльщиков, но и убийством. Проводивший в это время перепись князь Иван Вяземский сообщал, что в мае 1646 г. был убит земский целовальник Старой Тотьмы Гаврило Лосевской. И. Вяземский жаловался, что вести перепись в уезде стало невозможно, потому что «начали быть разбои и убийства смертные многие». Он называет восставших «воровскими

¹⁰ Дополнительно к указанным П. П. Смирновым делам из фонда ЦДСЛ для данной статьи использованы следующие дела из этого же фонда: 1645 г., д. 17; 1646 г., д. 15, 118, 131; 1647 г., д. 27; 1648 г., д. 14; 1650 г., д. 30; 1654 г., д. 12 и др.

людьми», т. е. применяет в данном случае ту терминологию, которая употреблялась феодалами по отношению к своим классовым противникам.

Ночью 9 июня 1646 г. во время пожара сгорело 10 варниц с амбарами и складами соли. Работа на варницах приостановилась. Не менее сотни варничных рабочих людей, оставшихся без заработка, пополнили ряды тех, кто готов был на более решительные действия в пачавшейся борьбе. Обстановка усложнилась еще и тем, что падеж скота в самом Тотемском уезде совпал с неурожаем в Галицко-Костромских пригородах. Хлеба не стало, цены поднялись, положение городской бедноты еще более ухудшилось.

В конце 1646 г. в Тотму и Устюг был послан из Москвы с особыми полномочиями Лев Микулин. Он имел задание любыми средствами собрать всю недоимку. Его поведение сыграло немалую роль в развитии событий. Л. Микулин сразу же поссорился с новым тотемским воеводой Алексеем Головиным. Отношения правительственного агента с местным воеводой настолько обострились, что дело дошло до взаимных официальных обвинений. Микулин собирал недоимки за прошлые годы, а Головин не полную ответственность за сбор текущих налогов и за сбор недоимки, которая образовалась с 1646 г. Оба «правили» беспощадно, неделями держали людей в тюрьме с ежедневным истязанием батогами. Бегство усилилось. Остановилась нормальная жизнь, упала торговля. Так, сбор с торговых операций посадских людей в 1647—1651 гг. снизился в сравнении с предыдущими и последующими годами от 15 до 35%. Недоимка превысила 10 тыс. руб.

Микулин с пещывалой жестокостью выколачивал недоимку. Заметив, что рассыльщики «норовят людям... и на правеже бьют лехко», он 12 декабря 1646 г. лично избил одного из рассыльщиков за «пноровку» при экзекуции. Это было толчком к пачалу восстания в городе. Посадские люди Семен Симакин, Иван Маланьин, Яков Желвачев, Родион Момотов, Иван Юдин, Михаил Кусков и др., всего около 100 человек ворвались на съезжий двор, освободили всех, кто был посажен в тюрьму и стоял на правеже, и двинулись ко двору, где жил Микулин. В нескольких своих отписках Микулин жаловался, что посадские люди не только отказались внести недоимку, но и его самого «лаели и хотели убить». Никакие угрозы и ссылки на царские грамоты не помогали. Все социальные группы населения посада и уезда выступили единодушно. От Микулина отобрали даже подьячего, которого он взял для ведения делопроизводства.

В это же самое время не прекращалась борьба и внутри посада. Много дел сохранилось о борьбе посадской бедноты со скупщиками хлеба Канлиными и Плюгиными, с закиточным по

садским человеком Абросимом Клушином. В Царевской волости шла борьба малоимущих крестьян с засильем братьев Шиховых, разбогатевших и захвативших в свои руки земли обедневших тяглецов¹¹.

События в Тотьме вызвали тревогу в Устюжской чети, в чем ведении находился этот город с уездом. В начале мая 1647 г. об этом было доложено лично царю, после чего последовало указание «всех зачинщиков посадить в тюрьму, чтоб им впредь так воровать было неповадно».

Однако воевода был бессилен это сделать. Не помогли и присланные из Устюга стрельцы, которых тотьмичи прогнали из города. В ноябре 1647 г. Л. Микулин, бывший в это время в Устюге, послал в Тотьму еще 10 стрельцов, а 6 декабря и сам возвратился сюда. Он сразу же отправил стрельцов за посадскими людьми, но последние «во дворах заперлися и к съезжему двору на правож не пошли». В период с 8 по 12 декабря происходили бурные сходы посадских и волостных людей, на которых был составлен в письменной форме отказ от уплаты незаконно взимаемых налогов и недоимок. В 7 часов вечера 12 декабря 1647 г. посадские люди окружили дом Микулина, выбили поленьями окна. В течение 10 дней Микулин фактически был в осаде. Ему все время угрожали убийством. Микулин жаловался, что с 20 стрельцами ему «осилить посадских людей невозможно».

Такое же упорное сопротивление как Л. Микулину, так и воеводе А. Головину оказали и крестьяне всех волостей. Многие бежали в соседние уезды. В Уфтыужской волости осталось 9 дворовладельцев, а в волости Дмитриев Новолок — только 6. Но когда пристава и стрельцы были направлены в Важский уезд за беглецами, крестьяне Ромашевского стана этого уезда Иван Сверчков, Дементий Михайлов и Василий Иванов Максимов подняли своих односельчан на защиту скрывавшихся у них тотемских крестьян. В Илезской волости Важского уезда дело дошло до стычки крестьян с приставами, во время которой некоторые из последних были убиты¹².

Источники не позволяют проследить более детально ход восстания, продолжавшегося два с лишним года. Но документы хорошо отражают единство как посадских людей, так и крестьян в этой борьбе против фискального гнета феодального государства.

* * *

Волнения крестьян Тотемского уезда усилились накануне и в период Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина, а также в последние годы XVII в.

¹¹ ПДСЛ. 1645 г., д. 17; 1646 г., д. 118; 1648 г., д. 30; 1650 г., д. 30; 1651 г., д. 59; 1654 г., д. 12 и др.

¹² ПДСЛ. 1647 г., д. 27, лл. 4—16, 21—24.

С 1667 г. правительство стало получать тревожные сообщения вологодских, тотемских и великоустюжских воевод об усилении «разбойных» действий со стороны местных и пришлых людей.

Из Тотмы сообщали о местном крестьянине Иване Меркурьеве, который объявил, что он «царева роду»¹³. В 1669 г. правительство послало в Восточное Поморье для «обереганья от татей и разбойников» 300 стрельцов под командованием Афанасия Левшина.

Тотемский воевода Максим Григорьевич Ртищев был особенно тревожно настроен. Еще до него в 1667 г. начался «бунт» семи волостей (Царевской, Тиксененской, Стрелицкой, Мольской, Толшемской, Вожбальской и Кулуйской). Представители этих волостей с Тотмы от правяща сбежали, а на их защиту поднялись все крестьяне. Посланные туда пристава были изгнаны. Когда воевода Орлов хотел послать специальное донесение об этом, то земский староста Евстафий Шихов не дал воеводе посылщика и совместно с представителями восставших волостей и с посадскими людьми пришел во двор к воеводе и начал его ругать. В течение нескольких дней воеводский двор заполнялся посадскими людьми и волостными крестьянами, требовавшими чтобы воевода «съехал» с Тотмы. В 1669—1670 гг. волнения крестьян все еще продолжались.

Отзвуки Соловецкого восстания 1668—1674 гг. хотя и скупо, но прослеживаются и в Тотемском уезде. Здесь распространились «воровские письма», а поп Кирилл, взятый с такими письмами, был отправлен в Москву¹⁴.

Воевода М. Г. Ртищев, присланный после смещения Орлова, был энергичным и деятельным человеком, возможно, ранее других поморских воевод понявшим всю опасность для феодалов положения в Поморье во время Крестьянской войны, бушевавшей в стране. Он настороженно следил за событиями, просил правительство послать карательный отряд из московских стрельцов для очистки Поморья от проникших повстанцев и местных «разбойных людей». В Тотме воевода вел своеобразную политику, сочетавшую решительные и жестокие репрессии с некоторыми попытками предотвратить дальнейший захват земельных угодий и промыслов у обедневших слоев населения.

Именно Ртищев организовал скорый суд и предал казни одного из наиболее крупных предводителей отрядов, действовавших в Поморье, сторонника С. Т. Разина, Илью Иванова Пономарева. Документами, передающими обстоятельства смерти И. И. Пономарева, являются опубликованный «Список с отпис-

¹³ Об этом большой материал в фонде ПДСЛ, 1667 г., д. 75, 157; 1669 г., д. 162, 342 и др.

¹⁴ ПДСЛ, 1671 г., д. 178, лл. 1—6; д. 246, лл. 1—2.

ки» Ртищева, несколько грамот из Москвы в Тотьму и переписка между воеводами Тотьмы, Соли Камской, Хлынова, Яренска, Галича¹⁵.

Известно, что после поражения С. Т. Разина под Симбирском восстание не прекратилось, наоборот, оно перекинулось в Заволжье. Отряд под руководством И. И. Пономарева и мари Мирона Федорова Мумарина, выступив осенью 1670 г. из Козьмодемьянска, двинулся вверх по Ветлуге, поднимая на борьбу крестьян и посадскую бедноту. В селе Никольском, вотчине боярина Б. М. Хитрово, крестьяне убили десятского и примкнули к отряду И. И. Пономарева. Отсюда по окрестным селам и деревням были посланы «прелестные» письма. Вскоре отряд насчитывал уже 400 человек в боевых порядках восставших того времени — в десятках и сотнях. Атаманом был избран И. И. Пономарев, старшиной — М. Ф. Мумарин, а есаулами — Дмитрий Семенов Куварка и Андрей Федотов Власовых. Было сделано 5 красных знамен.

С Ветлуги отряд пошел на Унжу. Здесь он насчитывал уже 400 конных и 300 человек «по саням». После неудачного боя с регулярными войсками стольника Василия Нарбекова в верховьях реки Шанги Богородского стана часть отряда во главе с М. Ф. Мумариным двинулась на городок Судай, а сам И. И. Пономарев в сопровождении 10 человек пошел через Леденгское усолье (ныне Бабушкино) к Тотьме. Как показал он на допросе, группа шла сюда, чтобы выяснить наличие ратных людей и оружия. Бесспорно, что он надеялся на поддержку со стороны работных людей тотемских солеваренных промыслов и речного транспорта. Но Ртищеву удалось перехватить и казнить И. И. Пономарева и его спутников до того, как тотемская беднота разобралась в событиях.

Сам воевода сообщал об этом так. 10 декабря 1670 г. он получил известие от галицкого воеводы Семена Нестерова, что отряд И. И. Пономарева идет к Тотьме. Ртищев сразу же собрал всех своих людей, привлек зажиточную часть посада и организовал по дорогам засады и сторожевые посты. Духовенство, солевары, зажиточные посадские люди, представители правительственной администрации убеждали поморское население, что восставшие — это просто воры и разбойники, это де та враждебная сила, с которой в 1609—1615 гг. боролись северные города и волости. И это в какой-то степени сыграло свою роль. Всем, кто вступил в сторожевые отряды, выдавалось по 10 коп. в день. Это были большие по тому времени деньги, особенно если

¹⁵ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», сб. документов, т. II, ч. 1, М., 1957, стр. 365—366, 371—372, 399—400, 404—405, 407—410, 446, 464, 475—478.

учесть, что варничные работные люди и молотобойцы за свой тяжелый труд получали в день всего только по 1—3 коп.

11 декабря Ртищев узнал, что через Леденгское усолье проехали к Тотьме незнакомые люди. Воевода с сотней вооруженных людей организовал засаду. В 5 верстах от Тотьмы И. И. Пономарев и его спутники были схвачены и доставлены в съезжую избу для пыток и допроса. Первым был подвергнут допросу И. И. Пономарев. Он держал себя твердо и уверенно. Сообщив, что родом он из города Кадома и ранее был крепостным дворовым человеком князя Юрия Петровича Буйносова-Ростовского, И. И. Пономарев затем с гордостью заявил, что сейчас он «казацей атаман» «войску и прибору... атамана и старшины казачья Стеньки Разина».

После пыток и допроса, которые продолжались до утра, все 6 человек на другой день, 12 декабря 1670 г., были повешены на берегу р. Сухоны. Ртищев не доверял даже своим людям и боялся прибытия отряда М. Ф. Мумарина, поэтому торопился с казнью. В числе казненных, кроме И. И. Пономарева, были козымодемьянец Д. С. Куварка, казанского присуду слободы Кукарки — житель А. Ф. Власовых, дворовый человек князя Буйносова-Ростовского из села Никольского Галичского уезда Дмитрий Дмитриев, крепостной крестьянин князя М. В. Львова из деревни Чошихи Ветлужской волости Куприян Кузьмин Соловьев, крестьянин Возбальской волости Тотемского уезда Петр Ларионов Петухов.

Тело И. И. Пономарева по просьбе галицкого воеводы 22 декабря 1670 г. было отправлено в Галич «для узнаванья», чтобы «всем людям было ведомо, что он, вор Илюшка, изыман и казнен» и чтобы «в народе впредь смятения не было».

Отряд И. И. Пономарева продолжал борьбу. Вятский, яренский, соликамский воеводы сообщали, что Пономарев жив, что якобы только 2 января 1671 г. он был пойман и казнен в Устюге Великом. Эти отписки воевод дали основание для ошибочного утверждения и в некоторых современных работах, что якобы в начале 1671 г. Пономарев действовал в районе Вятки, Соли Камской, Устюжского и Сольвычегодского уездов¹⁶. В действительности же в этих районах действовал после смерти И. И. Пономарева его отряд во главе с М. Ф. Мумариным. Именно Мумарин был схвачен в Устюге Великом и отправлен в Москву.

Тотемские крестьяне и посадская беднота не успели разобратся в подлинных целях борьбы отряда И. И. Пономарева. Но отдельные крестьяне, как казненный П. Л. Петухов, входили в состав отрядов С. Т. Разина.

¹⁶ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 309; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. I, стр. 468—471, 523.

В 1700 г. началось новое, третье за XVII в., волнение в Тоггеме, которое совпало с серьезными волнениями не только в Тотемском уезде, но и в Устьянских волостях. В этом году для сбора недоимок и очередных платежей был прислан подьячий Степан Турчанинов. Собрав посадских людей и представителей волостей, он прочел указ от имени Петра I о том, что если они учинят непослушание, то за это «будут биты кнутом безо всякой пощады и сосланы будут в Азов на вечное житье, и дворы их и животы взяты будут на государя». Но собравшиеся заявили, что и «преж сего были многие указы», а им платить печем¹⁷. Попытка Турчанинова брать людей на правеж провалилась из-за довольно организованного сопротивления. Когда же он поехал в Устьянские волости, то его и сопровождавших лиц чуть не убили¹⁸.

Источники не позволяют детально проследить дальнейший ход событий. Судя по выписке в доклад царю, правительство расценивало его как довольно серьезное выступление народных масс. Было назначено и велось большое дознание. Многие из участников восстания были подвергнуты наказанию кнутом на месте, а некоторые вызваны в Москву для допроса и наказания.

¹⁷ Прик. дела новой разборки, д. 986, лл. 1—22.

¹⁸ ПДСЛ, 1700 т., д. 45, лл. 1—11.